

Глава 1

— Проснулась?

Лена не ответила — во всяком случае, словами. Негромко фыркнула, заерзала, убрала под одеяло умопомрачительную ножку — и отвернулась. Наверняка ей было жарко — солнце уже как следует нагрело крышу прямо над ее крохотной квартиркой, да и ночка выдалась... горячей.

И все-таки госпожа репортер старательно пряталась.

— Проснулась, — утвердительно повторил я, пристраиваясь на край кровати. — Доброе утро.

Из-под одеяла слышалось что-то среднее между ворчанием и... мяуканьем?

— Не понимаю по-кошачьи. — Я улыбнулся и опустил ладонь туда, где под толстой тканью по идее должна была находиться попа. — Потрудитесь объяснить, сударыня.

— Между прочим, я на тебя еще немного сержусь. — Лена высунула из-под одеяла кончик носа. — Вот!

Важное замечание. И, главное, своевременное.

— Лен, ну ты же должна понимать, — вздохнул я. — У меня вообще-то брата убили!

— Да я не про тогда... — Лена вылезла примерно по шею. — А про вчера! Что ты вообще о себе возомнил? Пришел — и думаешь, что я тут же должна скидывать с себя одежду?

И с себя, и с меня. Как она, в общем, и сделала.

— Ну, не то чтобы должна-а-а... — протянул я, забираясь рукой под одеяло. — Будем считать, что мы оба соскучились.

— Ничего не знаю! — Лена смешно дернула ногой и попыталась отползти к стенке. — Ваше сиятельство — негодяй. Соблазнили бедную девушку...

Дальше я слушать не стал — схватил покрепче и одним движением сдернул с бедной девушки одеяло. Та взвизгнула, безуспешно попыталась прикрыться руками — и вдруг порхнула мне на колени.

— Нет. Бесполезно. — Лена обвила меня руками и мягко ткнулась губами куда-то под ухо. — Кажется, я не могу на тебя сердиться... представляешь?

— Охотно. — Я пристроил ладони на тонкую талию. — Я больше так не буду.

— Что значит — не буду?!

Лена повалила меня на кровать. Я, разумеется, не сопротивлялся. Она уж точно не хуже меня знала, что делать, и если уж решила немного покомандовать... почему нет?

— Ваше сиятельство в плену. — Лена обхватила мои запястья, будто сковывая, и уселась на меня сверху. — И любая попытка к бегству будет расценена...

В общем, утренний кофе пришлось отложить. Домой я так и не позвонил — ни вчера, ни утром, но особых угрызений совести по этому поводу не испытывал. Миша едва ли сильно расстроится, пропади я вдруг пропадом, а дед с Андреем Георгиевичем наверняка и так прекрасно все знали. Среди полутора десятков плетений, которыми меня обвешали, как новогоднюю елку, просто не могло не оказаться хотя бы одного следящего заклятья.

А скорее, пары-тройки: разобраться с половиной я так и не смог, а какие-то, вероятно, и вовсе не заметил — не хватило ни класса, ни опыта, ни даже грубой

силы Дара. Дед работал изящно, маскируя контуры под мой природный фон. Некоторые из них завязывались на исцеление, некоторые — на защиту от высокоуровневой магии... а кое-какие должны были сработать только в том случае, если по мне принялись бы палить из винтовок. Не самые надежные, между прочим: Панцирь, Латы или стандартный Щит сработали бы, пожалуй, получше.

Но не ходить же по столице упакованным в магическую боевую броню?

Вряд ли после случившегося кто-то всерьез посчитал бы меня трусом, а деда — излишне осторожным. И все же полноценный защитный «обвес» не только вызвал бы слишком много пересудов, но и доставил бы некоторые... скажем так, бытовые неудобства.

Лена без труда стащила с меня рубашку, однако на Латы ее бы точно не хватило. И вечер однозначно бы не удался. А защиты мне хватало и так — и новообретенной, и своей собственной.

Не говоря уже о трех машинах, следовавших за мной везде и всюду. Здоровенную серую «Волгу» с тремя охранниками мне навязал Андрей Георгиевич, не оставив даже шанса на возражения. А две другие — неприметные легковушки, покрытые пылью чуть ли не до самой крыши, — заметил уже позже. И почти случайно — рассказывать мне о них, разумеется, никто не собирался.

Приходилось понемногу привыкать. К счастью, положительные моменты тоже имелись...

— Немного утреннего самолюбования? — улыбнулась Лена.

— Не совсем. — Я вздохнул и положил свежий номер «Вечернего Петербурга» на край стола. — Просто думаю, как со всем этим... жить дальше.

Александр Горчаков — герой или преступник?

Я снова загремел на первую полосу — и на этот раз с заголовком впятеро громче любого из предыдущих. Статью я уже читал: дважды вчера вечером и только что, за кофе — освежить в памяти. На этот раз газетчики полоскали меня весь первый разворот... впрочем, надо сказать, делали это с уважением. Пожалуй, даже с нотками восхищения. История юного князя, в один день потерявшего старшего брата и в одиночку раскрывшего целый заговор, трогала чуть ли не до слез. Конечно, мне досталось и за стрельбу, и за драку, и за гонку на чудовищной машине без номеров — вот только все это выглядело по меньшей мере оправданным.

Под статью тексту была и фотография. Четкая, качественная, едва не на половину разворота. Явно Ленина... но не совсем. Откровенной ретуши я не разглядел, хотя что-то подсказывало: вряд ли после всего случившегося я мог сидеть на капоте машины так красиво. Тяжеловесно, вальяжно, пристроив ногу куда-то на радиатор — будто специально позировал. И смотрел не в кадр, а куда-то в сторону, вдаль — да еще и с фирменным усталым прищуром героя американского боевика.

В общем, обласкали... хоть и с оговорками.

— И даже не под твоим авторством. — Я скопился на низ газетного листа и снова прочитал незнакомую фамилию. — Как-то непривычно, что ли...

— Увы. По рангу не положено. — Лена отставила чашку с кофе и указала пальцем в потолок. — Тут с самого верху... велели.

Похоже, кто-то там теперь меня очень любит... Или, что вероятнее, получил вполне конкретные указания.

А столичная публика — официальную версию событий, пусть и слегка «желтоватую». Юный князь Горчаков — герой... хоть и хулиган-беспредельщик. А совсем не юный поверенный Колычев — предатель, решивший

рассорить два могущественных дворянских рода, чтобы под шумок прибрать к рукам кое-какие ценные бумаги, ну и заодно прикрыть свои темные делишки кровью. Небольшая заварушка на Фонтанке, пять трупов... и вовремя подоспевшие городовые. Событие громкое, хотя и не такое уж, в сущности, масштабное.

При детальном рассмотрении версия «Вечернего Петербурга» тут же начинала трещать по швам. Но в целом смотрелась достаточно убедительной — и наверняка устроила если не всех, то многих.

— Какой-то ты мрачный...

Голос Лены прозвучал чуть обиженно. Неудивительно — ночь с красоткой, статья, выставляющая меня чуть ли не спасителем империи, утренний кофе, лето, солнце, пробивающееся сквозь занавески на кухне... Нормальный человек на моем месте просто обязан был излучать довольство и радость.

— Не мрачный. — Я улыбнулся и осторожно отхлебнул из чашки. — Всего лишь задумчивый.

— Угу... Была у меня одна штука интересная. — Лена поболтала босыми ногами. — А теперь даже не знаю, показывать тебе или нет.

— Показывай, — пожал я плечами. — Если уж и правда твоя штука... такая интересная.

Зато, похоже, еще и то ли неприятная, то ли и вовсе опасная. На мгновение Лена явно успела пожалеть, что вообще завела разговор, — однако делать было нечего. Поднявшись со стула, она поковырялась где-то в шкафчике для посуды... и положила передо мной фотографию.

Похожую на ту, что попала на первую полосу. Только взятую крупным планом: Настасьиной машины в кадре почти не осталось — лишь часть крыши за моим плечом. Сам я оказался справа, поместился где-то по

плечи и вышел слегка размазанным — чуток не попал в фокус.

Зато попал Багратион. Похоже, Лена сфотографировала нас сразу после окончания разговора: светлейший князь уже развернулся ко мне спиной, но отойти еще не успел. Он оказался ближе к камере и по странному совпадению практически копировал мою позу: впол-оборота, с опущенными плечами и слегка наклоненной головой, почти в профиль.

Багратион был чуть ли не втрое старше меня и уже успел поседеть, однако сходства не заметил бы разве что слепой. Природа не наделила меня ни носом с горбинкой, доставшимся светлейшему князю от грузинских предков, ни серебристой щетиной на щеках, но контур лба, линия волос по бокам, на висках, форма губ...

Приехали.

— Кто-нибудь еще видел эту фотографию? — быстро спросил я.

— Я что, похожа на дуру? — Лена нервно усмехнулась. — Нет, конечно. Не знала, надо ли даже тебе показывать...

— Надо, — вздохнул я, складывая снимок пополам. — Негатив уничтожь... и никому ни слова, поняла?

Как же так, мама?..

Нет, конечно, все это вполне могло оказаться игрой света, эффектом кадра, странным совпадением... если бы не объясняло многое из того, что случилось за последние дни. К примеру — интерес одного из первых чинов империи к самому обычному... мне. Шестнадцать с половиной лет я не демонстрировал выдающегося Дара, не высовывался, ограничиваясь стандартным для малолетнего столичного мажора набором прегрешений, — вот только после той аварии все пошло кувирком. И Багратион тут же появился: наставлял, сове-

товал побережь себя — и в конце концов презентовал визитку.

Решил взять под крыло, чтобы защитить? Действительно нуждается в моей помощи? А может, и то и другое разом?

— Ну и видок у тебя. — Лена нервно хихикнула и втянула голову в плечи. — Ты что, задумал меня убить?

— Тебя?.. — пробормотал я. — Тебя — точно нет. Но ты правда молчи.

— Как рыба об лед! — Лена демонстративно прикрыла рот обеими руками. — Ты сам-то как... в порядке?

— Вроде да, — пожал я плечами. — Хотя, конечно...

Я старался не подавать виду, но чего уж там — чувствовал именно то, что непременно должен был чувствовать на моем месте человек, вдруг узнавший, что не имеет никакого отношения к собственной семье.

И что брат Миша ему вовсе не брат, а дед — вовсе не дед.

Да с чего я вообще это взял?! Из-за одной фотографии, да еще и не самой четкой? Из-за поведения Багратиона, которое я в любом случае не смог бы объяснить?

Спокойно, Горчаков. Вдох, выдох — и никаких лишних телодвижений. Судьба подкинула очередную загадку. Не первую, не последнюю и, черт возьми, даже не самую важную из тех, что и так приходилось держать в голове. Даже если моя почтенная маменька лет этак семнадцать назад имела глупость не устоять перед обаянием одного светлейшего князя, это уж точно не повод дергаться.

Да и что я могу сделать? Явиться к Багратиону в кабинет и броситься на шею с криком «Папа!»? Тайно попросить Бельскую сделать какую-нибудь экспертизу? Рассказать деду?.. Нет, уж точно не это. Со старика станется прибить меня на месте. Самое лучшее — просто при-

смотреться к тому, что будет дальше. И не нервничать. В конце концов, если уж подобная тайна каким-то чудом не вылезала столько лет, с чего бы ей вылезать теперь?

Я изо всех сил успокаивал себя — и вдруг понял, что при этом пытаюсь хотя бы примерно посчитать людей, которые видели нас с Багратионом вместе. А заодно прикинуть, кто из них мог оказаться достаточно внимательным, любопытным, дотошным... и рискованным, чтобы начать задумываться о чем-то настолько неудобном для верховного жандарма империи.

Да уж... Дела. Если все это не просто совпадение, фамилия семьи и авторитет самого Багратиона не смогут прикрывать меня вечно. И тогда...

— Я, пожалуй, пойду. — Я поднялся из-за стола. — Только не обижайся, ладно?

— Да куда уж тут, — вздохнула Лена. — Я... я понимаю. Наверное, это непросто.

Еще как. Одевался и шнуровал ботинки я в гробовой тишине. Пробормотал на прощанье что-то приторно-сладкое, попереминался с ноги на ногу в прихожей и, не дождавшись ответа, ступил за дверь. Лена так и не вышла проводить. То ли просто испугалась, то ли почему-то решила, что мне сейчас лучше побыть одному.

Пожалуй, так оно и было: по лестнице я спускался в несколько... смешанных чувствах. Какая-то часть меня упорно отказывалась верить, какая-то выискивала подтверждения — и, разумеется, находила. Третья готова была чуть ли не разреветься прямо здесь, на ступеньках. А четвертая стыдливо... радовалась?

Может быть. Ведь если так — мой отец вовсе не погиб в страшной аварии два года назад, а...

— Ох-ох-ох, паршивцы... Вот я вас!

Выходя из Лениной парадной на улицу, я едва не налетел на невысокого старичка, которому вздумалось

покормить голубей во дворе — да еще и в опасной близости от двери. Я уже собрался было вежливо взять дедка за плечи, чтобы на всякий случай отодвинуть подалее...

И замер.

Нет, ничего яркого или запоминающегося в нем не было — ни тогда, ни сейчас. Та же несуразная одежда — пиджак с вытертыми локтями, выдавшие виды брюки и сандалии на босу ногу. То же пенсне — два круглых и блеклых стеклышка на носу.

И тот же скрипучий голос, услышав который тут же замолкли даже дед с Багратионом.

— Прямо... вот сюда, представляете? — улыбнулся старичок, указывая на испачканный голубиным пометом рукав. — Птицы — что с них взять? Божьи твари.

Почему-то все это... нет, не то чтобы пугало — но казалось жутковатым. И в первую очередь оттого, что я не засекал никаких эманаций Дара. Старикашка с его силищей должен был «фонить» за километр — а я не чувствовал. Вообще ничего.

Ноль, пустышка — и это притом, что мы стояли на расстоянии вытянутой руки!

— Добрый... доброе утро, — пробормотал я.

— Здравствуйте, Александр. — Старичок отошел чуть в сторону — видимо, чтобы мне не пришлось тесниться у двери. — Могу я спросить — не найдется ли у вас минутка-другая для пожилого человека?

Ага... Попробуй тут не найди.

— Разумеется. Сколько угодно, ваше... благородие.

— Никакое я не благородие, и не был никогда. Лишнее это все, юноша, наносное... — задумчиво проговорил старичок — и вдруг, спохватившись, протянул мне руку. — Дроздов, Василий Михайлович! Будем знакомы.

— Будем... — Я осторожно пожал тонкие сухие пальцы. — Очень приятно.

Дроздов... Не самая звучная фамилия. Разумеется, не редкая — и не факт, что дворянская. Впрочем, по его же собственным словам, Василий Михайлович никогда не носил ни титула, ни чина.

Его речь звучала странно — знакомые с детства фразы почему-то казались непривычными. Он говорил... нет, не с акцентом. Просто как-то иначе. Будто то ли всю жизнь прожил в провинции, то ли вовсе прибыл напрямик из тех времен, когда дед был моим ровесником — или того раньше.

Интересная личность — и непростая. Подобные Василию Михайловичу не разгуливают по дворам без причины. Ни в такое время, ни в любое другое.

— А я вот тут... птичек покормить зашел. — Василий Михайлович указал остатками батона на скамейку у стены. — Присядем, вы ведь не возражаете?.. Ноги у меня уже, знаете ли, не те.

Я послушно проследовал за древним Одаренным. Тот шагал не торопясь, не забывая при этом подманывать голубей белыми крошками. Бестолковые птицы суетились вокруг, хлопали крыльями, галдели, отбирая друг у друга лакомство, и лишь каким-то чудом не загадили нас обоих с головы до ног. Но моего спутника это, похоже, совершенно не смущало. Он раскидал остатки батона и, опустившись на лавку, достал из бездонного кармана еще один.

— Как самочувствие, Александр?

— Не жалуюсь, — проговорил я. — Чем обязан... таким вниманием?

— Любопытство, исключительно любопытство! — Василий Михайлович махнул рукой. — Княгиня Бельская справлялась о вашем здоровье — вот я и решил... проведать.

Ольга Михайловна? Целительница, буквально вытаскившая меня с того света после аварии... а потом заявившая, что не имеет к моему чудесному спасению почти никакого отношения. Она просила рассказывать ей о любых странностях — но на робкие попытки начать разговор о загадочных изменениях личности отделалась медицинской байкой. Про того самого маркиза, который после сотрясения мозга вдруг воспылал противоестественной любовью к гусиному паштету.

— Так вы с ней... коллеги? — осторожно поинтересовался я.

— Коллеги?... Можно и так сказать, можно и так. — Василий Михайлович заулыбался и снова принялся крошить голубям белый хлеб. — В сущности, мы ведь делаем одну работу. Только кому-то уготовано врачевать тело, а кому-то...

— Душу?

— Верно... Человеческие души, Александр, — кивнул Василий Михайлович. — Если уж возникает подобная необходимость.

— Что ж... — Я убрал ногу подальше от назойливых птиц. — С моей душой все в порядке.

— Вы уверены?

Глаза Василия Михайловича сверкнули за стеклышками пенсне задорными огоньками, и я вдруг понял, что он видит меня буквально насквозь. Без «просвечивания», без всякой магии способен заглянуть так глубоко, как не смог бы даже матерый менталист уровня Багратиона.

И рассмотреть то, что я тщательно скрывал даже от себя самого.

— В конце концов, ваша душа, Александр... — задумчиво продолжил Василий Михайлович. — Ваша